

Раздел 1

ЭСТАФЕТА НАУЧНОГО ПОИСКА: НОВЫЕ ИМЕНА

С. В. Рузаев

СУДЬБА КАПИТАНА АНДРЕЯ КОЧЕРГИ

К проблеме советского коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны

Массовый коллаборационизм советских граждан в годы Великой Отечественной войны — одна из самых трагических страниц нашей истории. Этот феномен до сих пор вызывает жаркие споры в научной среде, причем, как правило, исследователи занимают одну из крайних оценочных позиций: или безоговорочно оправдывают, или обвиняют этих людей. Очевидно, что судьбу каждого человека, оказавшегося в ситуации выбора и согласившегося на сотрудничество с противником, нужно рассматривать отдельно.

В Севастопольском городском архиве хранится немало различных документов, отражающих сотрудничество местных жителей с оккупационными властями в 1942—1944 гг. Среди них представляет интерес личная переписка севастопольца Н. М. Цыбульского с Военной коллегией Верховного суда СССР по поводу пересмотра дела А. Р. Кочерги¹.

Николай Максимович Цыбульский — активный участник обороны Севастополя (30 октября 1941 г. — 2 июля 1942 г.) в качестве рабочего Крымспецстроя и бойца аварийной команды МПВО Северного района города. В конце июня — начале июля 1942 г. он разделил участь десятков тысяч защитников черноморской крепости, попав в плен. Как квалифицированного специалиста Н. Цыбульского принудили работать на севастопольской морской верфи. После войны он занимался поисковой рабо-

той, активно выступал, как и многие другие севастопольцы, за восстановление прав тех, кто пережил немецкий плен и оккупацию.

В 1967 г. ветеран послал письмо в Военную коллегия Верховного суда, где просил пересмотреть уголовное дело А. Р. Кочерги, осужденного военным трибуналом Черноморского флота по статье 58-1а УК СССР. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1956 г. «О подсудности дел о государственных преступлениях» заявление Н. М. Цыбульского направляется на рассмотрение в прокуратуру РСФСР, а оттуда — прокурору Черноморского флота для проведения дополнительных следственных мероприятий.

К сожалению, в архивных документах содержится очень мало информации о личности обвиняемого. Известно, что Андрей Романович Кочерга родился в 1881 г. в городе Береславль Херсонской области. В начале Великой Отечественной войны он был старшим помощником капитана черноморского килектора. Килектор (от голл. *kicilichter*) — это вспомогательное судно, предназначенное для обеспечения боевой и повседневной деятельности ВМФ. Судно было оборудовано мощными грузоподъемными устройствами в носовой части и предназначалось для поднятия тяжестей из-под воды, постановки мертвых якорей и противолодочных заграждений, участия в судоподъемных работах и т. д.

Команда килектора приняла активное участие в обороне Севастополя: день за днем судно участвовало в различных работах в акватории севастопольских бухт. Необходимо заметить, что бухты подвергались артиллерийскому обстрелу, частыми были налеты немецкой авиации. В этих сложных условиях моряки до конца выполнили свой долг; название судна высечено на Мемориале героической обороны Севастополя, на Нахимовской площади города.

В трагические июньские дни 1942 г. войска 11-й армии генерала Э. Манштейна ворвались в город, преодолевая ожесточенное сопротивление воинов Приморской армии и моряков Черноморского флота. Специальным флотским подразделением под командованием капитана 2-го ранга И. А. Зарубы уничтожались или затопливались все корабли и суда, которые не имели хода или не подлежали перегону на Кавказ². В их числе был и килектор: судно было затоплено на мелководье в Камышевой бухте. Из имеющихся документов следует, что килектор попал в руки противника с минимальными повреждениями и был достаточно быстро отремонтирован³. Надо сказать, что это достаточно ценный трофей немецких войск.

Уже 16 июля 1942 г. начальник полиции безопасности Севастополя Фрик направил специальный доклад управляющему судостроительными и судоремонтными предприятиями Юга, где отражены непростые задачи, стоявшие перед немецкой администрацией города⁴. Прежде всего было

необходимо в кратчайшие сроки возобновить деятельность севастопольских предприятий, в том числе крупнейшего из них — Севастопольского морского завода.

К первоочередным мероприятиям относились и работы по очистке акватории севастопольских бухт. Предполагалось обследование и подъем затопленных советских кораблей и судов, в первую очередь 100-тонного плавкрана и плавдока, без которых организовать судоремонт было невозможно.

Для проведения всех этих работ был необходим захваченный килектор. Уже в июле 1942 г. немецкое командование начало проводить учет всех севастопольских рабочих и служащих, оставшихся в городе. Согласно приказу коменданта Севастополя от 16 июля 1942 г. лица, не явившиеся на работу, рассматривались как саботажники и подлежали суду по условиям военного времени⁵. В лагерях военнопленных, расположенных в черте г. Севастополя, были выявлены почти все члены команды килектора. А. Кочергу назначили капитаном (судьба его предшественника неизвестна) и заставили работать на рейдах. По понятиям советской юстиции старый черноморский моряк и его подчиненные стали изменниками Родины. Однако, как неоднократно подчеркивает Н. М. Цыбульский, «корабль стал работать на фашистов. Но это... так только казалось». Он имел определенные основания отстаивать эту позицию: опросив некоторых выживших членов команды килектора, ветеран выяснил несколько моментов, не учтенных следствием и судом в 1944 г.

Н. Цыбульский пишет, что действиями экипажа килектора руководил инженер морской верфи Павел Данилович Сильников. В декабре 1942 г. он создает подпольную группу из числа рабочих и служащих бывшего морзавода, которая в марте 1943 г. объединится с группой Василия Ревакина. В итоге будет создана известная «коммунистическая подпольная организация в тылу немцев» (КПОВТН). Эта организация весьма активно действовала на протяжении всего 1943 г. и в начале 1944 г. Проводились акции саботажа и вредительства, диверсии, распространялись листовки и газета, организовывались побег из лагерей военнопленных. На счету группы П. Сильникова диверсии на восстанавливающихся судах, подрыв катера в Артиллерийской бухте, сгоревший шкиперский склад у Минной пристани⁶.

Возможно, что какое-то участие в этих акциях принимал и экипаж килектора. Пока лишь известно, что по приказу Сильникова Андрей Кочерга собрал по бухтам тяжелый рейдовый инвентарь (швартовые бочки и балластные якоря) и сложил его на берегах. Как пишет Н. Цыбульский, «немцы не поняли огромного значения этой работы: только на берегах можно было сохранить ценный инвентарь, который в 1944 г. был использован для швартовки крупных кораблей Черноморского флота»⁷.

Надо заметить, что немцы все же понимали важность этого инвентаря: известен доклад оберштурмбанфюрера Фрика командующему войсками оперативного тылового района группы армий «Юг» от 2 ноября 1943 г., где оговаривалось, что в случае эвакуации все имущество докового хозяйства и пирсов подлежало вывозу⁸. Вероятно, в 1944 г. просто не успели сделать этого, поэтому вскоре после освобождения города советскими войсками бочки и якоря и были использованы по прямому назначению.

Имея связь с подпольем, капитан Кочерга продолжал выполнять задания немецкого руководства, так как выбора у него не было. Дело, видимо, не только в угрозе для жизни в случае отказа от работы. По словам бывшего первого помощника капитана Владимира Александровича Бабынина, Андрей Кочерга любой ценой пытался сохранить судно до прихода Красной Армии. Это стало своеобразной целью жизни черноморца, поэтому он никому не хотел доверить свой пост⁹.

Известно, что килектор принимал участие в подъеме нескольких небольших затопленных кораблей, хотя они годились только в металлолом. По всей вероятности, килектор участвовал и в судоподъемных работах погибших во время обороны судах крейсера «Червона Україна», эсминца «Свободный» и транспорта «Грузия». В целом, обследование корпусов этих кораблей было неудачным. Смогли поднять лишь верхушку фокмачты с марсовой площадки «Червоны України», водку и испорченные консервы с баталерки эсминца (они пошли на питание советских военнопленных), а также томатную пасту в бутылках с транспорта.

В ходе эвакуации немецких войск из Крыма килектор попытались использовать, но в итоге бросили, и он остался невредим. На момент переправки Н. Цыбульского с органами юстиции старый килектор, как и прежде, трудился на севастопольском рейде.

После освобождения города начались аресты немецких «пособников». Пострадало немало людей, в том числе и те, кто активно боролся с оккупантами. Так, до сих пор замалчивается тот факт, что долгое время подвиг героев севастопольского подполья не признавался, так как само подполье было организовано без участия партийного руководства, людьми, в большинстве прошедшими плен и работавшими в различных оккупационных учреждениях. В ГАГС сохранился доклад, сделанный бывшим подпольщиком В. Осокиным на одной из послевоенных конференций, где он прямо говорит: «мы были в плену... сидели у наших за решеткой после освобождения — как же о нас можно писать? ... Мы не просимся в литературу, но пишите правду». И далее: «на одном из приемов тов. Чемодуров (партийный работник. — С. Р.) мне сказал — вы знаете, что ваша подпольная организация у нас не узаконена решением бюро горкома партии?»¹⁰. Комментарии излишни.

Среди прочих был арестован капитан килектора А. Кочерга и его второй помощник капитан Мальцев. Как уже упоминалось, Кочерга был в итоге осужден по статье 58-1а УК РСФСР, т. е. его деяния были квалифицированы как измена Родине (переход на сторону врага)¹¹. Примерно через год Андрей Романович Кочерга, активный участник обороны Севастополя, умер опозоренным в тюрьме.

Усилия Н. Цыбульского не пропали даром. В деле сохранилось сообщение Военной коллегии Верховного суда СССР № 2н-0538/ 68 от 30 сентября 1968 г.: «Сообщаю, что определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 19 сентября 1968 г. приговор военного трибунала ЧФ от 28 августа 1944 г. относительно Кочерги Андрея Романовича отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Кочерга А. Р. реабилитирован посмертно»¹².

¹ См.: ГАГС. Ф. 434. Оп. 4. Д. 12.

² См.: *Маношин И. С.* Героическая трагедия: о последних днях обороны Севастополя. Симферополь, 2001. С. 152.

³ См.: ГАГС. Ф. 434. Оп. 4. Д. 12. Л. 9.

⁴ См.: *Иванов В. Б.* Севастопольская эпопея 1941—1944 гг. в официальных документах. Севастополь, 2004. С. 246.

⁵ См.: Там же. С. 245.

⁶ См.: ГАГС. Ф. 434. Оп. 2. Д. 47. Л. 29 (доклад А. А. Саринной «О действиях Севастопольской КПОВТН в годы Великой Отечественной войны» на заседании совета государственного музея Героической обороны и освобождения Севастополя 20—22 сентября 1964 г.).

⁷ ГАГС. Ф. 434. Оп. 4. Д. 12. Л. 9.

⁸ См.: *Иванов В. Б.* Указ. соч. С. 277.

⁹ См.: ГАГС. Ф. 434. Оп. 4. Д. 12. Л. 10.

¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 47. Л. 80—81 (сообщение В. Осокина на заседании совета государственного музея Героической обороны и освобождения Севастополя 20—22 сентября 1964 г.).

¹¹ Там же. Оп. 4. Д. 12. Л. 1.

¹² Там же Л. 8.